

Елена Юрьевна Борисенюк

доктор исторических наук
заведующая отделом восточного славянства
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

Советская украинизация во внутрипартийной полемике 1920-х годов

DOI: 10.31168/2782-473X.2022.1.07

Аннотация: Советская политика украинизации является одним из самых примечательных экспериментов в области национальных отношений в XX в. Осужденные партией «националистические уклоны», связанные с именами А. Я. Шумского, Н. А. Скрыпника и других активных сторонников украинизации, описаны в современной литературе более подробно, нежели проявления «великорусского шовинизма». В статье показано, в чем заключались идеи большевистских деятелей, критиковавших в той или иной форме советскую украинизацию и противостоявших убежденным ее сторонникам. В статье анализируются высказывания Г. Е. Зиновьева, Д. З. Лебеда, В. А. Ваганяна, Ю. Ларина, А. В. Луначарского, С. Ю. Семковского.

Отношение к проблеме украинизации со стороны того или иного деятеля зависело от его отношения к национальному вопросу вообще и украинскому в частности. В условиях, когда часть украинских земель оказалась в составе Польши, Чехословакии и Румынии, поддерживать украинскую идею в советской форме стало выгодно для большевиков, а УССР стала плацдармом для продвижения социалистических идей. В построениях Лебеда, Зиновьева и Ваганяна национальный вопрос был не самоцелью, а средством переустройства мира. Убежденность в подчиненности национального вопроса классовому, уверенность в неминуемом стирании национальных различий накладывались на объективные характеристики украинской нации, подавляющую часть которой в начале XX в. составляло крестьянское население. Дискуссии в партийной среде велись не вокруг необходимости украинизации, а вокруг ее пределов, сферы распространения, масштабов. Критически оценивались принудительность по отношению к широким массам населения, излишняя торопливость и административный нажим в отношении русского и русскоязычного населения, особенно пролетариата.

Ключевые слова: украинизация, национальная политика, Советская Украина, партийная дискуссия 1920-х гг.

Elena Yu. Borisenok

Dr. Sci. (History)
Head of the Department,
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect, 32A, Moscow, Russia
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

Soviet Ukrainization in the Internal Party Polemics of the 1920s

DOI: 10.31168/2782-473X.2022.1.07

Abstract: The Soviet policy of Ukrainization is one of the most notable experiments in ethnic relations conducted in the twentieth century. The “nationalist deviations” condemned by the party (Alexander Ya. Shumsky, Nikolai A. Skrypnik, and other active supporters of Ukrainization) are described in modern literature in more detail than as manifestations of “Great Russian chauvinism”. This article analyses the ideas of Bolshevik leaders who criticized Soviet Ukrainization and opposed its convinced supporters. The article analyses the statements of Grigory Ye. Zinoviev, Dmityr Z. Lebed, Vagarshak A. Vaganyan, Yuri Larin, Anatoli V. Lunacharsky, and Semen Yu. Semkovsky.

Since some Ukrainian lands ended up as parts of Poland, Czechoslovakia, and Romania, it became profitable for the Bolsheviks to support the Ukrainian idea in its Soviet form. Thus, Lebed, Zinoviev, and Vaganian considered the national question as a means of transforming the world. They were convinced of the priority of the class principle over the national, and were confident in the inevitable erasure of national differences. At the same time, they took into account the objective characteristics of the Ukrainian nation, the overwhelming majority of which, at the beginning of the twentieth century, was comprised of peasants. Discussions in the party environment were conducted not around the need for Ukrainization, but around its limits. The compulsion towards the broad masses of the population, excessive haste, and administrative pressure towards the Russian and Russian-speaking population, especially the proletariat, were critically assessed.

Keywords: Ukrainization, nationality policy, Soviet Ukraine, 1920s party discussion

Одним из самых примечательных экспериментов в области национальных отношений в XX в. являлась советская политика украинизации. Эта региональная форма коренизации, официально провозглашенная на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., через несколько месяцев после образования СССР, изменила социокультурный ландшафт украинских земель. По замыслу инициаторов коренизации, советские республики должны были оправдывать свое наименование. В УССР украинцы продвигались по служебной лестнице,

на украинском языке издавались газеты, журналы и книги, работали школы, на этот язык стремились перевести делопроизводство, велась широкая работа в области лингвистики, развивались украинская литература и искусство, и т. д. В немалой степени такая политика была обусловлена геополитическими расчетами большевиков: Советская Украина должна была стать образцовой советской республикой, привлекающей симпатии западноукраинского населения.

У большевистского эксперимента оказалось немало приверженцев, и лидеры УССР под сталинским руководством активно использовали сторонников украинизации, в том числе выходцев из небольшевистских партий, ведущих свое происхождение от украинских левых эсеров и социал-демократов — боротьбистов и укапистов. Двое из руководителей Наркомпроса Украины — Г. Ф. Гринько и А. Я. Шумский — были бывшими боротьбистами, вступившими в КП(б)У. Кроме того, на Украине среди большевиков появилась такая фигура, как Н. А. Скрышник — преданный делу партии большевик, искренне убежденный в необходимости осуществления широкой программы национального строительства, сторонник украинизации и объединения украинских земель. После того как в резолюции V конгресса Коминтерна в 1924 г. появились слова о соединении «разорванных империализмом на части украинских областей в советскую рабоче-крестьянскую республику»¹, Скрышник уделял много внимания как западноукраинским землям, так и территориям с украинским населением в РСФСР. На посту наркома просвещения УССР он немало сделал для продвижения украинского языка и культуры, причем стремился распространить украинизацию и на русскоязычных рабочих, возвращая, по его мнению, русифицированное в период царизма население в лоно родной культуры.

В то же время среди политических и культурных деятелей Страны Советов находилось немало оппонентов официальной линии национальной политики. Большевикам приходилось постоянно лавировать между сторонниками и противниками украинизации, ссылаясь то на недопустимость великорусского шовинизма, то на опасность украинского национализма. Осужденные партией «националистические

¹ Национальные вопросы Средней Европы и Балкан // Пятый Всемирный конгресс Коммунистического интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 г.: Стенографический отчет: в 2 ч. М., 1925. Ч. 2: Приложения. С. 127.

проявления», связанные с именами А. Я. Шумского, Н. Г. Хвылевого, М. С. Волобуева, Н. А. Скрыпника, описаны в современной литературе более подробно, нежели проявления «великорусского шовинизма». Среди последних в украинской литературе наиболее часто упоминается теория борьбы двух культур Д. З. Лебеда. Другим деятелям отведено меньше внимания, хотя их фамилии не раз звучали в докладах украинских руководителей на партийных форумах и со страниц республиканской печати. Например, в разгар украинизации, на X съезде КП(б)У (20–29 ноября 1927 г.) Л. М. Каганович заявил: «В последнее время мы имеем целый ряд выступлений в общепартийном масштабе, которые целиком поддерживают и прикрывают русский националистический уклон в рядах КП(б)У. Наиболее значительными из них нужно признать выступления товарищей Ларина, Ваганяна и Зиновьева»². В чем же заключались идеи большевистских деятелей, критиковавших в той или иной форме советскую украинизацию и таких убежденных ее сторонников, как Скрыпник и Шумский?

В современной украинской историографии принято противопоставлять искренним сторонникам украинизации большую часть партийно-государственных функционеров, которые, прикрываясь интернациональными лозунгами, продолжали проводить великодержавную имперскую политику³. Данный тезис, сформулированный авторами монографии об украинизации, подготовленной в Институте истории Украины НАНУ, очень популярен в украинской литературе. Например, Н. П. Гончарова и М. Б. Парахина указывают на живучесть взглядов великодержавных кругов и распространенность нигилистического отношения к украинской культуре среди значительной части социал-демократов. Историки увязывают истоки «теории борьбы двух культур» с идеями П. Б. Струве, который «полностью отрицал сам факт существования украинской и белорусской культур». Одновременно они указывают на воздействие взглядов Р. Люксембург, которая «безапелляционно отрицала наличие каких-либо принципов для украинского национально-освободительного движения»⁴.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 106. Л. 13.

³ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 47.

⁴ Гончарова Н. П. Теорія «боротьби двох культур»: дискусія та її наслідки у контексті взаємин міста і села УСРР (1920-ті рр.) // Вісник Черкаського університету.

Выбор большевиками курса на коренизацию был обусловлен признанием права наций на самоопределение и учитывал федеративный принцип построения союзного государства. Концепция коренизации во многом базировалась на постулате о развитых и отсталых национальностях и необходимости помощи последним. «Суть этого неравенства национальностей состоит в том, что мы, в силу исторического развития, получили от прошлого наследство, по которому одна национальность, именно великоросская, оказалась более развитой в политическом и промышленном отношении, чем другие национальности, — объяснял Сталин на X съезде РКП(б) в 1921 г. — Отсюда фактическое неравенство, которое не может быть изжито в один год, но которое должно быть изжито путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым национальностям»⁵.

Однако у ленинской линии решения национального вопроса были оппоненты. Так, еще на апрельской конференции РСДРП 1917 г. Г. Л. Пятаков расценил право наций на самоопределение лишь как «просто фразу, без всякого реального содержания». Он подчеркивал, что победа социалистической революции возможна только одновременно во всем мире или в большинстве стран; поэтому с хозяйственно-экономической точки зрения независимость наций — явление устарелое, отжившее. «Все социал-демократы ведут определенную борьбу против насильственного удержания наций в пределах государства Российского, но это еще не значит, что если мы ведем такую борьбу, то мы видим в праве наций на самоопределение положительный лозунг»⁶, — утверждал Георгий Леонидович, работавший после февральских событий 1917 г. в Киеве и имевший там немало сторонников.

В эпоху потрясений многие революционные деятели склонны были согласиться с Розой Люксембург и ее оценкой украинского и ему подобных вопросов: «В то время как Ленин и его товарищи, очевидно, ожидали, что они как защитники национальной свободы “вплоть до государственного отделения” сделают Финляндию,

Сер. Историчні науки. 2010. Вип. 182. С. 93; *Парахіна М. Б.* Теорія «боротьби двох культур» — у пошуках російсько-українського історіографічного консенсусу (минуле і сучасне однієї концепції) // Український історичний збірник. 2012. Вип. 15. С. 304–305.

⁵ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Стенографический отчет. М., 1963. С. 182.

⁶ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков) Апрель 1917 г. Протоколы. М., 1958. С. 215.

Украину, Польшу, Литву, Балтийские страны, кавказцев и т. д. верными союзниками русской революции, мы наблюдали обратную картину: одна за другой эти “нации” использовали только что дарованную им свободу для того, чтобы в качестве смертельного врага русской революции вступить в союз с германским империализмом и под его защитой понести знамя контрреволюции в саму Россию. Образцовый пример — интермедия с Украиной в Бресте, обусловившая решающий поворот в этих переговорах и во всем внутреннем и внешнеполитическом положении большевиков»⁷. Ситуация осложнялась тем, что среди коммунистов возникли сомнения в отношении существования украинской нации. Сталину пришлось убеждать делегатов вышеупомянутого X съезда: «Между тем ясно, что украинская нация существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»⁸.

В этой связи необходимо заметить, что отношение к проблеме коренизации/украинизации со стороны того или иного деятеля зависело от его точки зрения на соотношение социальных и национальных сторон революции, от оценки роли национального вопроса в целом и украинского в частности. Преимущество классового фактора перед национальным подчеркнул на V конференции КП(б)У в ноябре 1920 г. Г. Е. Зиновьев: «Мы плакать не станем, если украинский язык за пять лет станет языком коммунизма и на этом языке мы будем воспитывать деревню. Нам безразлично, на каком языке деревня будет воспитываться. Это для нас один из второстепенных вопросов. <...> Нам не важно, на каком языке будут говорить трудящиеся, а нам надо говорить, сколько мы с кулака сдерем шкур, одну или пять, в пользу бедняка, крестьянина и рабочего. Вот для чего нам была нужна правильная постановка национального вопроса»⁹. Григорий Евсеев

⁷ Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 21.

⁸ Сталин И. В. Заключительное слово по докладу об очередных задачах партии в национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 49.

⁹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 88.

вич полагал, что «язык должен свободно развиваться»: «В конце концов через ряд лет победит тот язык, который имеет больше корней, более жизненный, более культурный, следовательно, наша политика заключается в том, чтобы не на словах, а на деле искренно и честно показать украинской деревне, что советская власть ей не помеха говорить и учить своих детей на каком угодно языке»¹⁰.

Это выступление не раз припоминалось Зиновьеву, особенно в период активной внутрипартийной борьбы в 1920-е гг. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У 11–12 августа 1927 г. Скрыпник негодовал: «Тогда (на конференции в Харькове в 1920 г. — Е. Б.) тов. Зиновьев в своем выступлении заявил, что наша линия не является и не может быть поддержкой украинской культуры. Он говорил, что русская культура — это культура пролетариата, пролетарская культура и мы, поддерживая сейчас, используя украинский язык для крестьян, чтобы влиять на крестьян, мы должны иметь в виду, что поскольку пролетариат, как сказал Зиновьев, является в большинстве русским по своему национальному составу, то, безусловно, неминуемо в конце концов победит русская культура и мы должны делать на это ставку»¹¹. Докладчик подчеркивал, что позиция Зиновьева в корне неправильна, что десятки и сотни тысяч пролетариев придут из села в город и «принесут с собой свой язык и украинскую культуру», что «означает неминуемо украинизацию города и украинизацию пролетариата»¹².

Однако точку зрения Зиновьева разделяли и другие большевики, работавшие в УССР. В связи с предстоящим обсуждением национального вопроса на XII съезде партии высказался уже упоминавшийся второй секретарь ЦК КП(б)У Д. З. Лебедь. В марте 1923 г. в «Коммунисте» появилась его статья, посвященная проблеме национального строительства на Украине. Он обратил внимание на различия, существовавшие в этнокультурном облике города и деревни: «У нас, на Украине, в силу исторических обстоятельств, культура города — это русская культура, культура деревни — украинская»¹³. Для Лебеда были весьма существенны социально-экономические

¹⁰ Там же. Л. 119.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 9. Л. 139.

¹² Там же.

¹³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 11; см. также: *Лебедь Д. З.* Некоторые вопросы партийного съезда // *Коммунист*. 1923. 17 марта.

различия между крупной промышленностью города, т.е. культурой, которая «имеет больше элементов социалистических, пролетарских»¹⁴, и «мелкособственническим, почти натуральным крестьянским хозяйством»¹⁵. Следовательно, считал Дмитрий Захарович, «искусственное насаждение украинского языка в партии и рабочем классе, при нынешнем политическом, экономическом и культурном соотношении между городом и деревней, — это значит стать на точку зрения низшей культуры деревни, по сравнению с высшей культурой города»¹⁶.

Политика в отношении украинского языка должна была учитывать это обстоятельство. Безусловно, писал Лебедь, надо разъяснять крестьянам «вопросы, их интересующие», на понятном им языке, и поэтому «наша партия должна овладеть украинским языком и через него проводить культуру»¹⁷. «Но в то же время нельзя забывать, что для нас язык является не средством проведения национализма, а средством проведения советского, пролетарского, коммунистического влияния, и если в одних случаях хорош украинский язык, — им надо уметь воспользоваться, и, наоборот, там, где язык превращается в средство для национализации, во что бы то ни стало, украинизация не из сознания, а из чувства, там должна быть вовремя противопоставлена настоящая марксистская истина, что для коммунистов-интернационалистов национальный вопрос в принципе не существует, что это есть только одно из средств изменения быстроты социалистического строительства»¹⁸, — настаивал Лебедь.

На XII съезде РКП(б) «теорию борьбы двух культур» осудили как шовинистическую попытку закрепить господство русской нации над другими, более отсталыми¹⁹. Как подчеркивал Ю.В. Шевелев, если до 1923 г. речь шла о потребности приспособления к крестьянству, то в период украинизации связывать украинский язык с селом уже было не принято, поскольку это было бы намеком на «низшую степень развития украинской культуры и языка». По мнению

¹⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 21.

¹⁵ Там же. Л. 22.

¹⁶ Там же. Л. 12.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. М., 1968. С. 693–694.

известного лингвиста и литературоведа, изменение в мотивации было связано именно с теорией борьбы двух культур, которая «официально приписывалась Д. Лебедю»²⁰.

После съезда партии, 20–22 июня 1923 г. состоялся пленум ЦК КП(б)У, который обсудил меры по проведению украинизации. Через несколько дней, 25 июня, Лебедь написал письмо членам специально образованной комиссии по разработке мероприятий национальной политики, в котором вновь призывал к проведению украинизации «в жизненно необходимых и революционно полезных размерах»²¹. Действовать, по его мнению, необходимо было «руками верных испытанных коммунистов», чтобы «иметь гарантии, что они вместе с украинизаторской водой не выбросят и коммунистического ребенка»²². «Нельзя забывать, что если нам надо считаться с национальными настроениями крестьянства, то то же необходимо учитывать и в отношении рабочих. <...> Украинизация петлюровская в свое время, помимо ее классовой неприемлемости, вызвали и среди рабочих недовольство по самой своей форме»²³, — подчеркивал он.

Мнение Лебеда о том, что «раздувать вопросы национальной политики на Украине — это значит ослаблять себя самих»²⁴, разделяли многие коммунисты. После XII съезда обсуждение национально-культурных проблем не прекратилось. Троцкист В. А. Ваганян в 1927 г. издал работу, в которой раскритиковал приверженцев «национал-коммунизма». Он подчеркивал, что «национальная культура — это форма, лучше всего прикрывающая зоологическое лицо национализма»²⁵. Буржуазия и буржуазная интеллигенция пытались с помощью национальной культуры «сделать идеи господствующего класса господствующей идеей народа, идеей всей науки»²⁶. Поэтому «под национальной культурой следует понимать только господствующую классовую культуру буржуазии»²⁷. Оппозиционер подчеркивал: «Борьба с национальной культурой, самое решительное искоренение

²⁰ Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941): стан і статус. [Б. м.]: Сучасність, 1987. С. 138–139.

²¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1660. Л. 13.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 14.

²⁴ Там же. Л. 16.

²⁵ Ваганян В. О национальной культуре. М.–Л., 1927. С. 6.

²⁶ Там же. С. 49.

²⁷ Там же. С. 51.

ее — является одним из необходимых этапов борьбы с национализмом, с национальной замкнутостью и исключительностью, с заскорузлостью и национальным партикуляризмом»²⁸. Вывод Ваганяна был достаточно категоричен: «Борьба за коммунизм немислима без самой решительной борьбы с национальной культурой»²⁹. Поскольку, по его мнению, национальной культуре противостоит интернациональная культура на национальных языках, необходимо было превращение «элементов интернациональной культуры в господствующую культуру на языках всех народов, входящих в сферу пролетарской революции»³⁰. С этой точки зрения, «проблема культурного строительства на национальных языках — проблема самая актуальная»³¹.

Касаюсь ситуации на Украине, Ваганян акцентировал внимание на языковой проблеме: «Русская Украина под сильнейшим влиянием русского языка выработала свой язык, значительно отличающийся от галицийско-украинского. Вероятно, последнее наречие богаче русско-украинского, но что отсюда вытекает? Следует ли из этого сделать вывод, будто можно навязать “русско”-украинским рабочим и крестьянам язык галицийско-украинской интеллигенции! Нисколько не следует!» С его точки зрения, «нынешняя ориентация национальной украинской интеллигенции на галицийско-украинскую речь» означает «самую несомненную попытку оторвать нарождающуюся интернациональную культуру украинского пролетариата от родственной по идеологии культуры великорусского рабочего класса»³². «Нужно ли вести решительную борьбу против насильственной русификации, которая велась на окраинах царским правительством? Нужно, и чем решительнее будет эта борьба, тем лучше», — подчеркивал Ваганян, одновременно указывая на неприемлемость повсеместного похода на русский язык, поскольку русский язык «есть межнациональный язык нашего Союза», и поход против него — это поход против общего хозяйства и партийной политики»³³.

С подходом Ваганяна к национальной культуре Сталин был не согласен. В 1929 г. генеральный секретарь счел нужным внести ясность

²⁸ Там же. С. 58–59.

²⁹ Там же. С. 59.

³⁰ Там же. С. 61.

³¹ Там же. С. 96.

³² Там же. С. 120.

³³ Там же. С. 129–130.

в этот вопрос, заметив, что хотя в Советском Союзе национальный гнет и уничтожен, «но из этого вовсе не следует, что национальные различия исчезли, и нации нашей страны ликвидированы»³⁴. Период победы социализма в одной стране, утверждал Сталин, не создает условий, необходимых для слияния наций и национальных языков. Такие условия создаст только победа социализма во всемирном масштабе³⁵, а до этого необходимо «помочь возрожденным нациям нашей страны — встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру»³⁶.

В следующем году, на XVI съезде, Сталин счел нужным подчеркнуть, что национальная культура при господстве национальной буржуазии и при диктатуре пролетариата — «два принципиально различных явления»³⁷. В первом случае — это «*буржуазная* по своему содержанию и национальная по своей форме культура», во втором — «*социалистическая* по своему содержанию и национальная по форме культура»³⁸. «На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период *расцвета* национальных культур, *социалистических* по содержанию и национальных по форме»³⁹, — утверждал генсек. Лозунгу Ваганяна об интернациональной культуре на национальных языках Сталин противопоставил свой — о культуре национальной по форме и социалистической по содержанию.

Таким образом, партийная полемика вокруг украинизации касалась проблемы взаимоотношений русской и украинской культуры. О положении русского населения и русифицированных слоев национальных меньшинств в национальных республиках в середине 1920-х гг. не раз говорил еще один известный партийный деятель, член Президиума ВСНХ и Госплана, Ю. Ларин. Выступая в 1925 г. на Третьем съезде Советов и в 1926 г. на сессии ЦИК СССР, он подчеркивал: создание национальных республик породило новые

³⁴ Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм. Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 341–342.

³⁵ Там же. С. 343.

³⁶ Там же. С. 353–354.

³⁷ Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) // Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 367.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

национальные меньшинства внутри этих республик, причем среди «наиболее крупных национальных меньшинств» он назвал русское⁴⁰. Закономерно вставал вопрос о выделении русских национальных административных образований, поскольку, как настаивал Ларин, «каждое национальное меньшинство любой республики... имеет право выделиться в отдельный территориальный совет с делопроизводством на своем родном языке»⁴¹. Учитывая разницу национального состава населения города и села на Украине, проблема была очень острой, поскольку речь шла фактически о русском облике крупнейших городов Украины, в том числе и ее столицы Харькова. Украинизаторские усилия республиканского руководства стали затрагивать городское население, и Ларин был озабочен ростом числа украинских школ, украинских печатных изданий, переводом на украинский язык профсоюзной работы в тех городах, где большинство населения привыкло пользоваться русским языком. По его мнению, «русские на Украине — нацменьшинство, и что к ним нужно подходить, как к нацменьшинству, давая те же гарантии национальных прав и культуры, какие даются другим нацменьшинствам»⁴².

Более подробно свои взгляды на проблемы коренизации Ларин выразил в специальной статье, появившейся в конце 1926 — начале 1927 г. в журнале «Большевик» под заголовком «Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения)». Он был убежден, что «есть разница между *развитием национальной культуры* какого-либо народа и *национальным насилием* над другим народом или над частью того же самого»⁴³. Ларин резко критиковал принудительность в отношении русифицированных слоев населения на Украине. Большой резонанс получил его тезис о принудительной еврейзации, т. е. людях «русской культуры, хотя еврейской национальности»⁴⁴: «Русофобская (противорусская) мысль в основе *принудительной еврейзации* знающих русский язык и желающих пользоваться русским языком евреев очень проста: раз они

⁴⁰ Третий съезд Советов СССР: Стенографический отчет. М., 1925. С. 272–273.

⁴¹ Там же. С. 275.

⁴² Вторая сессия ЦИК СССР Третьего созыва: Стенографический отчет. М., 1926. С. 467.

⁴³ Ларин Ю. Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 1926. № 23–24. С. 50.

⁴⁴ Там же. С. 51.

не говорят по-украински, то не давать им, по крайней мере, пользоваться русским языком — пусть переходят на еврейский или, если тогда сами предпочтут, на украинский»⁴⁵. Сами же евреи, по мнению Ларина, прекрасно понимали, что «с одним еврейским языком далеко не уйдешь даже в хозяйстве, не говоря уже о науке»⁴⁶.

Резкой критике подверглись административные принципы приобщения русских рабочих к украинскому языку и культуре. По мнению Ларина, введение украинского языка в городскую жизнь имеет «единственный смысл — *создать внешнюю видимость*, что Киев, Одесса, Харьков и т. п. центры — сплошь украинские по языку города»⁴⁷. Если принудительность в вопросе изучения украинского языка служащими «не только не вредна, но необходима», то ограничивать население в употреблении неукраинского языка или навязывать ему украинский язык, с точки зрения известного революционера, было недопустимо⁴⁸.

Опубликовав статью, Ларин одновременно попытался вновь обсудить проблему на общесоюзном уровне, но 27 января 1927 г. политбюро ЦК ВКП(б) отклонило его предложение включить «дополнительно в порядок дня сессии ЦИК СССР вопрос об охране прав нацменьшинств»⁴⁹. Однако сдаваться революционер не желал и 28 января 1928 г. написал лидеру КП(б)У Л. М. Кагановичу письмо о перегибах при проведении украинизации. Ларин обращал внимание на ускорившуюся украинизацию школ: «Таким образом, соответствие процентов школ и населения (по родному языку), существовавшее на Украине еще в 1924–25 уч. год., последующей практикой украинизации сведено на нет и почти целая половина населения с неукраинским родным языком потеряла ту возможность обучения детей на своем языке, какая была еще в 1924–25 году». При этом «подавляющая часть понижения процента школ с неукраинским языком пришлась как раз на упразднение в школах русского языка как языка преподавания»⁵⁰.

⁴⁵ Там же. С. 52.

⁴⁶ Там же. С. 53.

⁴⁷ Ларин Ю. Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 1927. № 1. С. 60.

⁴⁸ Там же. С. 61.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 614. Л. 8.

⁵⁰ Григорьев Е. М. История коренизации // Историк. 2015. № 7–8. С. 78–83 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://историк.рф/journal/история-коренизации/> (дата обращения: 26.02.2021).

Следует признать, что Ларин был не одинок в своем отношении к языку обучения национальных меньшинств. Нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский, выступая на Пятом Всероссийском съезде заведующих отделами народного образования, состоявшемся 27 мая — 2 июня 1926 г., признал вопрос об «определении языка в школах» одним из самых запутанных. Проанализировав поступавшие в прессу письма, он обратил внимание делегатов на следующее обстоятельство: «Там имеются, между прочим, по поводу нацменьшинств такого рода жалобы: с одной стороны, дубиной загоняют в национальный рай и национальные группы; например, в данной местности, которая целиком связана с русским языком и русской культурой, восстанавливают по этнографическим догадкам, куда поселение относится, и приписывают им тот язык, который не является для них типичным материнским языком и который идет, может быть, параллельно с русским языком, навязывают ему этот язык как школьный. Это неправильно»⁵¹. Далее он подчеркнул, что «насильственная национализация мало чем лучше насильственной русификации»⁵².

Пытаясь разобраться в столь сложном вопросе во время своего пребывания в Краснодаре в сентябре 1926 г., Анатолий Васильевич отметил различия между языком украинского населения в УССР и языком населения Кубани: «Если на Украине проведена основательно украинизация, то это там согласовывается целиком с местным бытом. Здесь же, на Кубани, этого делать нельзя». При этом Луначарский «рекомендовал употреблять в школе вместо украинского языка “кубанский”»⁵³. В то же время Луначарский отнюдь не сомневался в необходимости организации обучения на украинском языке в УССР. Как заметил в своих дневниках украинский критик и литературовед С. А. Ефремов, российский нарком в ответ на жалобы русских учителей на украинизацию заявил, что «все, кто на Украине живут, должны знать язык украинского народа. “Кто же не хочет учиться — пусть уходят из Украины: мы найдем всем таким место

⁵¹ Труды Пятого Всероссийского съезда заведующих отделами народного образования. 27 мая — 2 июня 1926 г. [Б. м.], 1926. С. 31.

⁵² Там же. С. 32.

⁵³ Цит. по: *Сергійчук В.* Північний Кавказ: українські аспекти заселення, розвитку господарства та національної свідомості. Київ, 2014. С. 121; см. также «Українізація» 1920–30-х років. С. 247–248.

и работу в Великороссии»⁵⁴. Несмотря на то что отношение Луначарского к процессам, проходившим в УССР, было вполне благожелательным, позиция наркома подверглась критике на Украине, хотя и более сдержанной по сравнению с упреками в адрес «великодержавников» Зиновьева, Лебеда, Ваганяна и Ларина.

Наконец, свое мнение об украинизации счел нужным высказать и бывший меньшевик С. Ю. Семковский (Бронштейн), двоюродный брат Л. Д. Троцкого. Семен Юльевич активно занимался научной деятельностью в УССР: в 1925 г. он был избран членом-корреспондентом ВУАН, в 1926 г. по совокупности заслуг ему была присуждена научная степень доктора философии и социологии, а в 1929 г. он стал действительным членом ВУАН.

В июне 1926 г. Семковский написал записку в ЦК КП(б)У по поводу украинизации. Он подчеркивал, что «*политика активной украинизации властно диктуется* политическими задачами укрепления диктатуры в сложной обстановке в крестьянской стране»⁵⁵. Но вместе с тем его тревожили связанные с ней проявления украинского национализма. Семковский подчеркивал, что «идеология “*национальной культуры*” окружается ореолом, вызывает пафос, оттесняет идеологию революционного интернационализма», а рост украинского национализма неизбежно приведет к росту национализма великорусского, причем последний будет пытаться опереться на русских рабочих в городах, особенно на Донбассе⁵⁶. Дабы избежать всего этого, Семковский предлагал «*рядом с украинизацией* поставить по-марксистски и вопрос о *пределах украинизации*»⁵⁷. По его мнению, отказываться от принудительной украинизации нельзя, однако делать это было можно только в отношении «соответствующих аппаратов», тогда как в отношении к «*массовому члену партии*» и «к *массовому члену профсоюза*» она была недопустима⁵⁸. В то же время, реагируя на поднятый Лариным «русский вопрос», Семковский заявил: «Выделение *русского населения в городах* в “конституционно” оформленное нацменьшинство является

⁵⁴ *Ефремов С. О.* Щоденники, 1923–1929. Київ, 1997. С. 297. Запись от 4 ноября 1925 г.

⁵⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2253. Л. 20.

⁵⁶ Там же. Л. 20–21.

⁵⁷ Там же. Л. 21.

⁵⁸ Там же. Л. 22–23.

преждевременным. Но уже сейчас, параллельно с проведением украинизации, массам русского населения в городах (и особенно в рабочих районах) должно быть — и фактически и программно — обеспечено *достаточное административное... обслуживание* на родном языке, не исключая и *высшей школы*»⁵⁹.

Те же мысли, но высказанные в урезанной и смягченной форме, Семковский озвучил в начале января 1927 г. на Первом всеукраинском совещании по работе среди национальных меньшинств. Он признал, что «исторически украинизация была необходима», что опасность заключается в отрыве города от деревни по национальной линии. «Чтобы этого не произошло, и проводится украинизация»⁶⁰, — убеждал присутствовавших Семковский. Но на совещании он говорил уже не о пределах украинизации, а о необходимости «внести теоретическую ясность в построение политики украинизации»⁶¹. Однако об украинском национализме и национализме великорусском, о которых он писал в записке в ЦК ВКП(б), на совещании по работе среди нацменьшинств он уже не упоминал.

Л. Д. Якубова считает, что Семковский в своем выступлении на совещании в концентрированном виде сформулировал культурную доктрину определенной части КП(б)У и общества в целом, которую украинский историк называет «внеациональной». Лозунг этой части партии и общества на Украине был «украинизация ненадолго» и «надо переждать»⁶². Действительно, и среди коммунистов, и среди населения УССР в целом велись разговоры о преходящем характере политики украинизации. Более того, среди русского населения городов находилось немало тех, кто скептически относился к самому понятию «украинец», продолжая придерживаться идеи общерусского народа. Однако в период активного проведения украинизации сомнения в существовании украинской нации высказывались в основном в кулуарах: подобные настроения были резко пресечены И. В. Сталиным на X съезде партии, накануне подписания Рижского

⁵⁹ Там же. Л. 24.

⁶⁰ Первое всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств 8–11 января 1927 г.: Стенографический отчет, резолюция, постановления и материалы. Харьков, 1927. С. 131.

⁶¹ Там же. С. 132.

⁶² *Якубова Л. Д.* Тенденції етнокультурного життя УСРР у контексті коренізації (1924–1935 рр.) // Український історичний журнал. 2006. № 2. С. 77.

мира с Польшей. УССР стала одной из сторон договора, и подобные сомнения были уже неуместны. В условиях, когда часть украинских земель оказалась в составе Польши, Чехословакии и Румынии, а международное сообщество вырабатывало правовые нормы в области национальных отношений, поддерживать украинскую идею в советской форме стало выгодно для большевиков: УССР становилась плацдармом для продвижения социалистических идей. Эта ситуация и предопределила содержание и направление оформленной критики политики украинизации в партийной среде в 1920-е гг.

Для Д. З. Лебеда, Г. Е. Зиновьева и В. А. Ваганяна национальный вопрос был не самоцелью, а средством переустройства мира. Убежденность в подчиненности национального вопроса классовому, уверенность в неминуемом стирании национальных различий накладывались на объективные характеристики украинской нации, подавляющую часть которой в начале XX в. составляло крестьянство. Поэтому критики украинизации настаивали, что она должна распространяться только на украинское население УССР и украинцев, проживающих в других республиках. С. Ю. Семковский, Ю. Ларин и А. В. Луначарский поднимали вопрос о недопустимости искусственной украинизации рабочих и рациональности распространения коренизации на ассимилированные слои населения, но они не были против коренизации / украинизации как таковой. С их точки зрения, распространение украинизации на русское и русскоязычное население, особенно пролетариат, было излишним, а принудительность — вредной. Так, Ларин пытался ограничить распространение некоторых сторон украинизации на ассимилированные слои населения и русских рабочих. Луначарский указывал на опасность «насильственной национализации», причем касаясь украинизации не в УССР, а за ее пределами. Впрочем, принудительность и администрирование оппоненты Скрыпника и Шумского допускали и даже поощряли, но только в отношении аппарата — партийных, советских и хозяйственных органов. Иными словами, дискуссии в партийной среде в 1920-е гг. велись не вокруг необходимости украинизации, а вокруг ее пределов, сферы распространения, масштабов.

Выработка концепции советской украинизации происходила на фоне ожесточенных дискуссий о роли национальной культуры в социалистическом строительстве. Украинский облик деревни и русский облик крупных пролетарских центров требовали и от

республиканских, и от союзных лидеров осторожных и взвешенных решений. Сталинское руководство стремилось контролировать процесс украинизации, лавируя между ее сторонниками и противниками, постоянно напоминая участникам внутривнутрипартийной полемики о принципе свободного развития национальностей. В УССР русские были признаны национальным меньшинством, обеспечение культурных интересов которого должно проводиться наравне с прочими нацменьшинствами. Таким образом, в 1920-е гг. осуждению подвергались все «перегибы», не только «украинский национализм», но и «великорусский шовинизм», в противовес которым в 1930-е гг. стал набирать популярность лозунг о культуре, национальной по форме, социалистической по содержанию. Подобный подход должен был свидетельствовать о культурном единстве Страны Советов, несмотря на существование на ее территории различных наций.

Литература

Гончарова Н. П. Теорія «боротьби двох культур»: дискусія та її наслідки у контексті взаємин міста і села УСРР (1920-ті рр.) // Вісник Черкаського університету. Сер. Історичні науки. 2010. Вип. 182. С. 92–97.

Григорьев Е. М. История коренизации // Историк. 2015. № 7–8. С. 78–83 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://историк.рф/journal/история-коренизации/> (дата обращения: 26.02.2021).

Парахіна М. Б. Теорія «боротьби двох культур» — у пошуках російсько-українського історіографічного консенсусу (минуле і сучасне однієї концепції) // Український історичний збірник. 2012. Вип. 15. С. 303–316.

Сергійчук В. Північний Кавказ: українські аспекти заселення, розвитку господарства та національної свідомості. Київ: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України, 2014. 294 с.

«Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / В. М. Даниленко та ін.; відп. ред. В. А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. 392 с.

Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. [Б. м.]: Сучасність, 1987. 295 с.

Якубова Л. Д. Тенденції етнокультурного життя УСРР у контексті коренизації (1924–1935 рр.) // Український історичний журнал. 2006. № 2. С. 74–88.

References

Grigor'jev Je. M. Istoriiia korenizatsii. *Istoriik*, 2015, no. 7–8, pp. 78–83, available at: <https://историк.рф/journal/история-коренизации/> (accessed: 15.04.2021).

Honcharova N. P. Teoriia “borot'by dvokh kul'tur”: dyskusiia ta її naslidky u konteksti vzaiemyn mista i sela USRR (1920-ti rr.). *Visnyk Cherkas'koho univertsytetu. Ser. Istorychni nauky*. 2010, vol. 182, pp. 92–97.

Iakubova L. D. Tendentsii etnokul'turnoho zhyttia USRR u konteksti korenizatsii (1924–1935 rr.). *Ukrains'kyi istorychnyi zhurnal*, 2006, no. 2, pp. 74–88.

Parakhina M. B. Teoriia “borot'by dvokh kul'tur” — u poshukakh rosiis'ko-ukrains'koho istoriohrafichnoho konsensusu (mynule i suchasne odniiie kontseptsii). *Ukrains'kyi istorychnyi zbirnyk*, 2012, vol. 15, pp. 303–316.

Serhiichuk V. *Pivnichnyi Kavkaz: ukrains'ki aspekty zaseleattia, rozvytku hospodarstva ta natsional'noi svidomosti*. Kyiv: Instytut mystetstvoznavstva, fol'klorystyky ta etnologii im. M. T. Ryl's'koho NAN Ukraïny, 2014. 294 p.

Shevel'ov Yu. *Ukrains'ka mova v pershii polovyni dvadtsiatoho stolittia (1900–1941). Stan i status*. N. p.: Suchasnist', 1987. 295 p.

“Ukraïnizatsiia” 1920–30-kh rokiv: *peredumovy, zdobutky, uroky* / V. M. Danylenko et al.; ed. V. A. Smoliiy. Kyiv: Instytut istorii Ukraïny NAN Ukraïny, 2003. 392 p.